

УДК 811.161.2

**НОМИНАЦИЯ И КОГНИЦИЯ:
 НОВАЯ ТИПОЛОГИЯ
 МОТИВАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
 Е.А. Селиванова (Черкассы, Украина)**

Е.А. Селиванова. Номинация и когниция: новая типология мотивации языковых единиц. В статье обосновано новую концепцию мотивации как сквозной лингвокогнитивной операции, результатом которой является формирование ономасиологической структуры знака в проекции на структуру знаний об обозначаемом. Предложены новые параметры типологизации мотивационных отношений: статус мотиватора в структуре знаний, их рациональность / иррациональность, прецедентность / непрецедентность. Охарактеризованы механизмы и разновидности пропозитивной, ассоциативно-терминальной, модусной и смешанной мотивации; природа мифологемной и прецедентной мотивации.

Ключевые слова: мотивация, когниция, пропозиция, метафора, модус, мифологема, прецедентный феномен.

О.О. Селіванова. Номінація та когніція: нова типологія мотивації мовних одиниць. У статті обґрунтовано нову концепцію мотивації як наскрізної лінгвокогнітивної операції, результатом якої є формування ономасиологічної структури знака в проекції на структуру знань про позначене. Запропоновано нові параметри типології мотиваційних відношень: статус мотиватора у структурі знань, їхня раціональність / ірраціональність, прецедентність / непрецедентність. Охарактеризовано механізми й різновиди пропозиційної, асоціативно-термінальної, модусної та змішаної мотивації, природу мифологемної та прецедентної мотивації.

Ключові слова: мотивація, когніція, пропозиція, метафора, модус, мифологема, прецедентний феномен.

O.O. Selivanova. Nomination and Cognition: a New Typology of Linguistic Units Motivation. The article focuses on the new conception of motivation as a through linguo-cognitive process resulting in the formation of the onomasiological structure projected onto the structure of the knowledge about the designated. The author suggests new parameters for the typology of motivational relations, such as the status of a motivator in the knowledge structure, the rationality / irrationality and precedent-based character of the knowledge. The mechanisms and the varieties of propositional, associative-terminal, evaluative, and mixed motivation, as well as the nature of mythological and precedent-based motivation is described.

Key words: motivation, cognition, proposition, metaphor, modus, mythologeme, precedent phenomenon.

1. Актуальность исследования.

Одна из актуальных проблем современного словообразования и теории номинации – изучение мотивационных механизмов, проявляющихся на вербальном уровне в структурно-семантических связях между производными и производящими единицами языковой системы, на когнитивном уровне – в различных способах языковой репрезентации концептуальных реляций синергетической системы этносознания. Анализ мотивации номинативных единиц эксплицирует их когнитивную проекцию на структуры знаний об обозначаемом, процедуры получения, обработки и переработки информации, приобретенной чувственно-эмпирическим путем, внутренней мыслительной рефлексией во взаимодействии с бессознательными процессами. Язык, по мнению исследователей, является “наилучшим окном в знание”: “он наблюдаем, подлежит анализу”, “предлагает неплохую возможность анализировать знание” [Chafe 1987: 109]. Отстаивая актуальность исследования проблемы языковой репрезентации сознания, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что лингвистов и когнитологов объединяет задача извлечь из собственно языкового материала как можно больше сведений о нем самом, и о том, что стоит за этим материалом [Кубрякова 2004: 53], то есть о структурах сознания и когнитивных процессах.

2. Постановка проблемы. Цель исследования.

Понятие мотивации возникло в словообразовании и рассматривалось как эквивалент формальной и семантической производности слов, то есть как процесс формирования семантической и формальной связи производного слова с производящим в пределах знакового кода языковой системы. Несмотря на множественные толкования словообразовательной мотивации, ее дефиниция остается дискуссионной проблемой дериватологии. Различные определения этого термина различаются как ключевым словом, положенным в основу, так и аспектом, который он охватывает. Опорными словами дефиниций мотивации избраны процесс, результат или явление. Наряду с мотивацией в лингвистике функционируют термины “мотивированность”, “мотивирование”, “мотивировка” и “мотивизация”, обычно отождествляемые с мотивацией. Однако введение в научный оборот данных понятий лишь осложняет проблему и не вносит ничего нового в анализ мотивационных процессов. К примеру, мотивацией, мотивированием обозначают процесс, “одну из сторон процесса деривации, особую форму функционирования слова (деривационно-мотивационный процесс)” [Голев 1989: 3]. Мотивированность и мотивировка рассматриваются в этом случае как результат такого процесса исходя из внутренней формы как средства мотивации [Кияк 1988: 77].

Мотивированность и мотивацию соотносят с синхронным признаком слова, свойственным всем производным словам, хотя, по нашему мнению, перспективными представляются концепции дериватологов, отмечающие возможность изучения словообразовательной мотивации в двух аспектах – диахронном и синхронном. На наш взгляд, разграничение понятий исторической и синхронной словообразовательной мотивации является достаточно важным: оно масиологическая структура слова формируется на базе словообразовательных и семантических отношений в языковой системе, отражающих связи различных элементов и функций сознания, а в процессе языковой и “когнитивной” эволюции подлежат изменению как языковые связи, так и когнитивные реляции. И.С. Торопцев подчеркивал, что внешняя мотивированность имеет не очень значительную глубину и стойкость. Если мотивированное слово теряет словообразовательную связь с мотивирующим, то есть деэтимологизируется, то оно теряет свой мотивированный характер [Торопцев 1974: 33]. Исследование мотивационных изменений дает возможность углубить представление об эволюционных “челночных” операциях концептуальной и языковой картин мира, об изменении внутренней рефлексии и восприятия действительности носителями языка, о динамике категоризации и концептуализации и их языкового обозначения. И.С. Улуханов постулирует интеграцию описания диахронной и синхронной мотивации слов, что, по его мнению, является менее распространенным, чем их изолированный анализ, и более перспективным и необходимым, поскольку она способствует проявлению взаимодействия, соотношения этих процессов, а также отслеживанию общих тенденций номинации [Улуханов 1992: 8-20].

Дефиниция мотивации зависит также от аспектов ее рассмотрения. Сначала мотивацию трактовали в формально-структурном аспекте как выбор языкового материала для обозначения признака предмета из уже имеющегося в языке состава морфем (В.А. Звегинцев, А.И. Смирницкий). Начиная из середины XX века толкования мотивации получили семантический вектор в связи с разработкой русским исследователем Г.О. Винокуром методики словообразовательного анализа и критерия установления производности на семантической основе. Соединение структурного и семантического аспектов наблюдается в работах многих дериватологов. Например, О.И. Блинова определила мотивацию как “структурно-семантический признак слова, который дает возможность осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотнесенности” [Блинова 1976: 26]. До 80-х годов XX ст. мотивация устанавливается преимущественно на базе генотипов производных слов – синтаксических структур (словосочетания, предложения, мотивирующей синтагмы, суждения, дефиниции и т. п.) в соответствии с доминирующей в словообразовании концепцией синтаксической природы деривации. Во фразеологии также была абсолютизирована концепция создания фразеологических единиц на основе свободных словосочетаний в результате вторичной номинации. В.Н. Телия подчеркивала, что соотношение

устойчивых и идиоматических сочетаний с их свободными (или гипотетически возможными) аналогами было методическим измерением как в классическом, так и в постклассическом периоде развития фразеологической науки, хотя уже в первом периоде вызревали идеи, выходящие за пределы поисков такого синтаксического соотношения [Телия 1996: 13].

Подобное положение наблюдалось и в зарубежной лингвистике, где мотивацию трактовали как результат порождения слова из синтаксической структуры согласно моделям генеративного синтаксиса, между тем позитивным моментом такого подхода исследователей стала попытка проецирования дериватов и композитов на сложные абстрактные фигуры логического синтаксиса, перифразы (Г. Брекле, Г. Марчанд, З. Вендлер, Р. Лиз и др.), что заложило основы дальнейшего перехода анализа номинации к структурам репрезентации знаний, в частности, к пропозиции, предикатно-актантным рамкам.

С середины 80-х годов XX века мотивация становится проблемой теории номинации и рассматривается несколько в ином, онтологическом ракурсе способа отображения в производном слове признаков обозначаемого объекта. Мотивация получает два плана изучения: относительный (формальная и семантическая связь между словами как знаками) и абсолютный (связь между знаками и их денотатами) [Голев 1989: 20]. Появляется новый термин для обозначения отрасли лингвистики, которая изучает мотивационные отношения в языке, – мотивология (М. Гинатуллин). Однако анализ мотивационных процессов в целом продолжает оставаться в рамках “языковая форма – значение”, не выходя за эти пределы на уровень знаний, представлений, ощущений и чувств номинаторов.

Из-за ограниченности рассмотрения мотивации лишь словообразовательной системой языка и языковой семантикой проблема типологии мотивации остается размытой, а имеющиеся в научной литературе классификации мотивационных отношений – нечеткими и непоследовательными. Е.С. Кубрякова считает, что отношения мотивации дериватов могут быть противопоставлены: 1) по уровневому статусу источника деривации, его форме и длине; 2) по механизму перехода от исходной единицы к результату и количеству необходимых для этого операций; 3) по принципу структурной организации самого словообразовательного процесса [Кубрякова 1981: 25].

В словообразовании существуют разнообразные классификации мотивации, параметрами которых служат: 1) разграничение формы и семантики мотиватора и мотивата (выделены лексическая и словообразовательная; внешняя и внутренняя мотивация); 2) уровни языковой системы, на которых устанавливается мотивационная связь (фонетическая, структурная, лексико-семантическая или фонетическая, морфологическая, семантическая мотивация); 3) принцип аналогии в словообразовательной подсистеме языка (лексический и структурный типы); 4) специфика мотиваторов в словообразовательной структуре слова (эксплицитная, усложненная и имплицитная (идиоматическая))

мотивация); 5) степень функциональности мотиваторов (полная и частичная мотивация); 6) логические отношения между семантикой слова и внутренней формой (полная, частичная, нулевая и абсолютная мотивация); 7) способ связи производного и производящего слов (ассоциативно описательная, ассоциативно сопоставительная, гипонимическая, частичная, экспрессивная мотивация).

Цель нашего исследования – обосновать новую концепцию мотивации, базирующуюся на параметрах статуса мотиватора в структуре знаний об обозначаемом, рациональности / иррациональности и прецедентности / непрецедентности информации, положенной в основу ономаσιологических структур номинативных единиц. К числу задач исследования принадлежат также установление непротиворечивой дефиниции мотивации и разработка методики ее когнитивно-ономаσιологического анализа.

3. Определение мотивации. Модель порождения номинативных единиц.

В монографии “Когнитивная ономаσιология” 2000 г. мы предложили новую трактовку мотивации как сквозной лингвопсихоментальной операции формирования ономаσιологической структуры номинативной единицы на основе выбора мотиватора (-ов) из мотивирующей базы структуры знаний об обозначаемом в сложной системе связей различных познавательных функций этносознания. Активация таких связей обусловлена или интериоризацией относительно объективных признаков обозначаемого, или их ассоциативно образным, оценочным, парадоксальным восприятием номинаторами [Селиванова 2000: 153-180]. Данная дефиниция мотивации исходит из разработанной нами модели порождения (продуцирования) номинативных единиц, имеющей такие операционные этапы: I – этап апперцепции (психонетический), в результате которой устанавливается представление об обозначаемом; II – интериоризации (когнитивный), сопровождающейся формированием понятия и концептуальной структуры обозначаемого; III – внутреннего программирования (превербальный), характеризующегося установлением мотивирующей базы будущего наименования: синтактикоподобной структуры или ассоциативной цепи; IV – селекции (номинативно-вербальный), т. е. выбора мотиваторов из мотивирующей базы и формирования ономаσιологической структуры. Базовые постулаты для построения данной модели таковы: 1) мышление не является единственным познавательным механизмом для человека: огромную роль в познании обозначаемого предмета, явления или понятия играют относящиеся к психонетической сфере когнитивные функции ощущений, чувств, интуиции и трансценденции, а также бессознательные процессы; 2) знание об обозначаемом приобретается человеком путем индивидуальной или коллективной познавательной деятельности на основе обработки эмпирических данных, полученных из мира действительности, или упорядочения внутреннего рефлексивного опыта, который не имеет непосредственной проекции на

действительность; 3) ономаσιологическая структура наименования может иметь первичный или вторичный характер: в первом случае она является новой в языке, хотя и созданной на базе имеющихся в языке морфем и моделей; во втором – уже имеющееся в языке наименование получает новое содержание; 4) языковой знак произволен относительно обозначаемого и не отображает его, а лишь конвенционально замещает в кодовой системе языка; при этом относительно других знаков в языковой системе знак является, как правило, неслучайным и связанным с другими знаками отношениями мотивированности и производности; 5) выбор мотиватора и ономаσιологической структуры детерминирован внутриязыковыми закономерностями системы, процессами категоризации, стереотипизации и концептуализации мира и внутреннего рефлексивного опыта этносом, архетипами коллективного бессознательного, условиями введения наименования в речь, текст, дискурс.

4. Методика когнитивно-ономаσιологического анализа.

Главным методом исследования механизма мотивации наименований различного статуса (дериватов, композитов, устойчивых словосочетаний и фразеологизмов) служит когнитивно-ономаσιологический анализ [Селіванова 2010: 244-246], включающий два этапа: интерпретацию ономаσιологической структуры (далее – ОС) номинативной единицы и моделирование соответствующей концептуальной структуры знаний об обозначаемом, послужившей основой для выбора мотивирующей базы, мотиваторов из данной базы и формирования номинативной структуры.

Первый этап требует прежде всего установления номинативного статуса наименования. Интерпретация ОС простых производных наименований (дериватов) предусматривает выявление концептуального статуса ономаσιологического признака в соответствующей когнитивной структуре, определение импликации иных компонентов мотивирующей базы, а также функциональной нагрузки ономаσιологического базиса (форманта) или деривационной модели, специфики грамматического и акцентологического оформления знака. При интерпретации ОС композитов необходимо также установить когнитивную основу соотношения между мотиваторами и базисом. Интерпретация ОС составных наименований, в частности, и фразеологизмов, требует выявления когнитивной и грамматической связи между ономаσιологическими признаками и типа синтаксической модели, служащей ономаσιологическим базисом.

На втором этапе осуществляется моделирование структуры знаний об обозначаемом в виде модели ментально-психонетического комплекса (далее – МПК). Выбор данного термина продиктован необходимостью дополнения менталистской ориентации современных когнитивных исследований новым перспективным аспектом – психонетическим, который разрабатывался в психолингвистике, психологии, психоанализе и т.п. Попытки реализации этого принципа в трудах А.А. Потебни, В. Вундта, К. Бюлера, М.М. Бахтина,

Л.С. Выготского, К. Леви-Стросса, Ж. Лакана, Р. Барта, В.В. Налимова, О.Г. Бахтиярова и др. привели к интересным выводам и весомым результатам. МПК исходит из юнговского принципа интеграции в познавательных процессах сознания как психофункционального континуума пяти познавательных функций: ощущений, чувствований, мышления, интуиции и трансценденции – с коллективным бессознательным [Юнг 1996]. Выбор структуры МПК предопределен, во-первых, коннекционной природой знания, главным принципом использования которых является активация – возбуждение определенного участка нейронов коры головного мозга в когнитивных процессах; во-вторых, отказом от абсолютизации мышления как единственного познавательного механизма человека. В-третьих, МПК имеет синергетическую системную природу, организован на основе взаимной детерминированности различных функциональных модулей сознания и интегрирован со знаковыми, грамматическими, прагматическими ресурсами естественного языка, способствующими переводу информации разных типов в языковой формат. МПК представляет собой образец тотальных моделей, которые “охватывают одновременно множество самих разных аспектов анализируемого предмета”, являются “продуктом объемного мышления”, которое “содержит и компоненты фонового мышления, и процедуры соотношения фигуративного и фонового мышления с невидимым” [Бахтияров 1997: 103-104]. Компонент мышления, взаимодействующий с ощущениями, чувствованиями, интуицией, трансценденцией посредством формирования образов, организует ментальный лексикон.

Ядро МПК представлено пропозициональными структурами – мыслительными аналогами ситуаций, характеризующимися относительной объективностью, внутренней непротиворечивостью и вербализованными словами в прямых значениях. Экспериментально доказано, что “долговременная память человека является большой сеткой взаимно перекрещенных пропозициональных деревьев, каждое из которых содержит определенный набор узлов памяти с многочисленными связями” [Кубрякова и др. 1996: 134]. Дж. Лакофф подчеркивал, что “большая часть структуры нашего знания имеет форму пропозициональных моделей, а их особенностью является то, что они выделяют элементы, предоставляют им характеристики и указывают на связи между ними” [Лакофф 1996: 31]. Транспонированная в лингвистические студии позитивистом Б. Расселом, пропозиция основывалась на положении об относительной объективности человеческого восприятия мира как такая, которая отвечает истинному положению дел в мире. Дж. Лакофф как специалист в отрасли когнитивной семантики, отстаивающей феноменологическую эпистему, предостерегал от “объективистского привкуса” пропозициональных структур: хотя они и содержат реально существующие отношения, они являются результатом интериоризации человеком действительности, то есть “когда человек осознает свой опыт, проецируя на

него пропозициональные модели, он накладывает на мир объективистскую структуру” [Лакофф 1996: 177].

Неограниченность предметов, событий, явлений реального мира, их участников противостоит нехватке соответствующих языковых наименований в прямых значениях, а также специфике их осознания носителями языка. Это противоречие устраняется использованием знаков, предметов, событий, явлений из иных областей по принципу аналогии, уподобления. Компоненты пропозиции получают переносные обозначения путем интеграции с другими концептуальными областями, что отображается в наличии нелинейных пропозициональных структур обозначения одной ситуации. Такие межконцептуальные связи и чужеродные знаки фиксируются в терминальном компоненте МПК, коррелирующем с пропозициональным ядром, что обусловлено использованием различных механизмов сознания человека, например: синестезии, образного восприятия предмета или явления, симуляции сценариев, корреляции с архетипами коллективного бессознательного.

МПК интегрирует пропозициональные структуры и терминальную часть с модусом – оценочно-эмотивным компонентом, исходящим из ощущений, чувствований и эмоций, – и концептуальным планом как прагматической составляющей, контролирующей соответствие концептуальной информации условиям номинативного или коммуникативного актов. Наличие последнего компонента можно объяснить словами Е.С. Кубряковой: “трудно сказать, где кончается собственно лексикон и где начинается область существования оперативных механизмов речи, – они неразрывно связаны между собой, лишь совместно обеспечивают нормальное протекание речевой деятельности – процесса, который постоянно черпает необходимые для этого данные из человеческой памяти” [Кубрякова 2004: 370].

Конечной целью когнитивно-ономасиологического анализа является установление механизма и типа мотивации номинативных единиц на основе двухвекторного подхода: от ономасиологической структуры к структуре знаний об обозначаемом и наоборот, – обеспечивающего проверку достоверности избранной концептуальной модели. Методика когнитивно-ономасиологического анализа успешно апробирована на различных классах номинативных единиц русского, украинского, английского, немецкого и французского языков автором статьи и представителями его научной школы. Нами исследованы мотивационные отношения в массиве дериватов и композитов русского и украинского языков, фразеологизмов и терминологических наименований украинского языка. Описание мотивации русских наречий представлено в диссертационной работе И.Н. Литвин, на материале украинского языка выполнены диссертации В.В. Калько (мотивация наименований лекарственных растений), Г.В. Кочерги (мотивация отсубстантивных глаголов), Г.А. Ярмоленко (мотивация отглагольных существительных), И.И. Казимир (мотивация наименований птиц). Мотивация английских номенов насекомых и млекопитающих послужила предметом диссертаций О.В. Коноваловой и

Н.С. Рыбалки. Мотивация французских гастронимов охарактеризована в работе Я.В. Браницкой. Данная концепция мотивации положена в основу выполняющихся сейчас диссертаций на материале немецкого языка (С.С. Богуславский, А.С. Рышкова, С.А. Стройкова).

5. Первый параметр классификации мотивационных отношений.

Проекция ономаσιологической структуры на модель МПК устанавливает первый параметр типологии мотивационных отношений – когнитивный статус мотиватора в структуре знаний об обозначаемом. По данному параметру дифференцируем такие типы мотивации: 1) пропозициональную, использующую знаки-мотиваторы в прямых значениях из ядра МПК; 2) ассоциативно-терминальную, которая характеризуется выбором мотиваторов метафорического статуса исходя из концептуальных связей МПК с иными предметными областями – донорскими зонами; 3) модусную, основывающуюся на оценке носителями языка знака мотиватора в корреляции с психическими функциями ощущений, чувств, архетипами бессознательного; 4) смешанную, которая интегрирует в ономаσιологической структуре мотиваторы различного статуса в модели МПК; 5) концептуально-интеграционную, базирующуюся на соединении двух концептов и их знаков. Мотивация противопоставлена псевдомотивации, характеризующейся формальным, семантически и концептуально не обеспеченным выбором мотиваторов.

Первый тип мотивации (**пропозициональный**) предусматривает выбор ономаσιологических признаков наименований из пропозиционального ядра МПК. Дж. Лакофф квалифицировал пропозиции как разновидности идеализирующих когнитивных моделей, в которых “не используются механизмы воображения” [Лакофф 1996: 177]. Пропозициональный компонент должен отвечать критериям истинности и непротиворечивости информации, воспроизводя “объективную семантическую константу” [Кобозева 2000: 259]. Исследование пропозиционально мотивированных номинативных единиц было осуществлено Е.А. Земской, О.С. Ермаковой и З. Рудник-Карват исходя из модели С. Кароляка с применением трансформационного подхода (перевода глубинной структуры в поверхностную). Исследователи охарактеризовали мотивационный потенциал позиций предиката, объекта, локатива, инструмента. Подобный анализ пропозициональной проекции некоторых классов производных слов осуществлен представителями научной школы Е.С. Кубряковой, Г.Г. Гиздатовым, Е.Г. Беляевской, Е.М. Поздняковой и др.

Пропозициональная мотивация не является однородной и по общему механизму подобна метонимии, так как в процессе номинации осуществляется перенос обозначения одного когнитивного компонента события на другой, имени класса объектов на объект этого класса, обозначения части на целое и целого на часть по смежности в пределах одной ситуации или категориальной иерархии. Как отмечают исследователи, метонимия в целом “более реалистична, чем метафора: она оперирует не образно ассоциативным

подобием, а реальной смежностью, сопоставлением обозначений или их парциальностью” [Роль человеческого фактора 1988: 181-182]. В данном типе мотивации выделены гиперонимическая, эквонимическая, категориальная, оппозитивная и предикатно-аргументная разновидности.

Гиперонимическая разновидность обычно наблюдается в смешанно мотивированных наименованиях и характеризуется выбором мотиваторов из состава гиперонимов в сети категориальных иерархических связей пропозициональных структур (англ. *Cranberry*; рус. *меч-рыба*, *белорыбица*; нем. *Gänsefleisch*). Данная разновидность актуализируется в номенклатурах различного типа с целью указания принадлежности видов к определенному классу. Так, ряд *beetles* включает семейство *ground beetles* и виды *field ground beetle*, *garden ground beetle* и *violet ground beetle*, а к ряду *bush-cricket* относятся семейство *bush-cricket* и виды *speckled bush-cricket*, *four-spotted bush-cricket* [Коновалова 2009: 76].

При эквонимической разновидности мотиватор избирается из обозначений одного уровня обобщения, зафиксированных в одном классе объектов как рубрикативы [Золотова 1988: 431]. Эквонимический уровень пропозициональных структур представляет связи между гипонимами одного класса предметов или понятий. М.В. Никитин различает гипонимы и эквонимы в зависимости от аспекта их соотношения: “Имена видовых понятий относительно общего гиперонима названы гипонимами, а друг относительно друга на том же уровне обобщения – эквонимами” [Никитин 1996: 450]. Эквонимическая разновидность прослеживается при этимологическом анализе некоторых названий животных: *слон* возникло в результате превращения давнего заимствования из татарского языка *aslan* – “лев”, *верблюд* – давнее заимствование из готского языка *ulbandus*, связанного с понятием “слон”.

Изучение мотивации украинских орнитонимов, осуществленное на базе нашей концепции, продемонстрировало активное использование эквонимов в национальной номенклатуре. К примеру, при именовании птицы ряда журавлеподобных семьи пастушковых – *курочка водяна* производится перенос базового компонента номенов куроподобных; орнитоним ряда совоподобных – *сичик-горобець* содержит компонент номенов ряда воробьеподобных. Перенос эквонимического знака происходит в пределах ряда на названия видов нескольких семей: ряд воробьиных имеет семьи суторовых (*синиця вусата*), длиннохвостых синиц (*синиця довгохвоста*) и синицевых (*ремез*); семья вьюрковых имеет вид птицы *в’юрок*, а семья воробьиных – вид *в’юрок сніговий* [Казимир 2007: 6]. В целом, как свидетельствуют исследования мотивации животных и растений в разных языках, эквонимическая разновидность позволяет интегрировать видовые названия в пределах высших уровней категоризации и дифференцировать их на самом низком уровне в классификационной иерархии номенклатурных названий.

Оппозитивная разновидность характеризуется использованием при создании наименований противоположных по семантике обозначений

с применением форманта негации, что способствует экстенсивному расширению языковых ресурсов (укр. *неправда*, рус. *неуч*). Категориальная разновидность__предусматривает дублирование когнитивной позиции мотиватора в случаях конверсии или транспозиции, опосредующих создание синтаксических дериватов (укр. *гореть* – *горение*, англ. *to sing* – *sing*). В исследовании представительницы нашей научной школы И.Н. Литвин констатируется, что наибольшую частотность категориальная мотивация русских отсубстантивных наречий приобретает в позиции творительного падежа производящих существительных на базе фиктивной субстанциональности (рус. *зимой, утром, шагом, шепотом*) [Литвин 2002: 56].

Предикатно-аргументная разновидность характеризуется выбором мотиваторов, коррелирующих с разнообразными компонентами предикатно-актантных рамок, или предикатно-аргументных структур. Мотиватор наименования может обозначать субъект, предикаты разных типов, объект, инструментив, медиатив, локатив, темпоратив, каузатив и т. п. (количество термов в концепциях разных лингвистов колеблется от 5 до 100).

В исследовании, посвященном мотивации украинских отсубстантивных глаголов, предикатно-аргументная разновидность представлена активацией термов:

субъекта (укр. *ковалювати* – “бути ковалем”, *директорувати* – “бути директором”, *ректорувати* – “бути ректором”, *суддювати* – “бути судьей”; *дощити* – “падати, йти (про дощ)”, *сніжити* – “падати, йти (про сніг)”);

объекта разных типов (*штемпелювати* – “ставити штемпель”, *вальсувати* – “танцювати вальс”, *корувати* – “здирати кору”, *дріжджувати* – “вносити в корм дріжджі”, *інтерв'ювати* – “брати інтерв'ю”, *конспектувати* – “складати конспект”);

инструментива – орудия действия (*дряпакувати* – “підпушувати землю дряпаком”; *сапати* – “підпушувати ґрунт і виполювати бур'яни, користуючись сапою”; *циклювати* – “обробляти дерев'яну поверхню підлоги циклею”; *батожити* – “бити батогом”);

медиатива – вспомогательного или непрямого способа действия (*свинцювати* – “вкривати тонким шаром свинцю поверхню металевих виробів”, *сіркувати* – “покривати сіркою”, *ваксувати* – “натирати, чистити ваксою”, *пудрити* – “вкривати пудрою”);

трансгрессива как результата каузации превращения (*мінералізувати* – “1) перетворювати у мінерали”; *леденіти* – “1) перетворювати в лід”; *католичити* – “обертати на католиків”, *порохніти* – “перетворювати на порох”);

коррелятива, устанавлюючого соответствие / несоответствие предмета другому предмету, предназначению, норме (*шаблонізувати* – “1) робити за шаблоном”, *курсувати* – “здійснювати регулярні рейси за певним курсом”, *регламентувати* – “примушувати дотримуватись певних правил, обмежень”, *абеткувати* – “розміщувати за абеткою”);

локатива – пространственного компонента (*бункерувати* – “засипати в бункер”, *шинкувати* – “торгувати в шинку”, *сторонитися* – “рухатися вбік”, *бокувати* – “ухилитися від когось, чогось”);

темпоратива – показателя времени (*веснувати* – “виконувати весняні роботи”, *вікувати* – “проживати свій вік”, *термінувати*² – “навчатися певний час у ремісника”);

финитива – компонента цели (*фільмувати* – “знімати стрічку для фільму”, *зяблювати* – “орати на зяб”);

каузатива – компонента причины (*штилювати* – “стояти через штиль”) [Кочерга 2003: 10].

Второй тип мотивации (**ассоциативно-терминальный**), в отличие от пропозиционального, по общему механизму является метафорическим. Метафоризация служит наиболее продуктивным креативным средством обогащения языка, способом языковой экономии, семиотической закономерностью, заключающейся в использовании знаков одной концептуальной области для обозначения другой [Lakoff 1980], подобной ей в каком-либо отношении или ассоциируемой с ней. Метафора отрицает принадлежность объекта к тому классу, в какой он в действительности включен, и утверждает его вхождение в категорию, к которой он не может быть отнесен рационально [Арутюнова 1990: 17]. Данный тип мотивации имеет несколько разновидностей в зависимости от способа взаимодействия донорской и реципиентной зон в процессе означивания: структурно метафорическую, диффузно-метафорическую, гештальтную, сенсорную и архетипическую.

Структурно-метафорическая разновидность характеризуется интеграцией областей источника и мишени на основе одного смежного семантического признака. В данном случае терминал структуры знаний об обозначаемом получает знак иного концепта и формирует реляцию с соответствующим пропозициональным компонентом этой структуры (например, укр. глагол психического состояния *сполотніти* мотивируется существительным *полотно* на базе смежного понятия “белый”, что воспроизводится в семантической структуре этих слов в виде дифференциальной семы: *сполотніти* – “побіліти, збліднути”; рус. наречия *хором*, *залпом* расширяют значения за счет структурной метафоризации на основе смежных компонентов “все вместе” и “быстро”, коррелирующих с показателями собирательности и качества в соответствующих пропозициях).

Диффузно-метафорическая разновидность основывается на диффузной интеграции ассоциативных комплексов (ореолов) или уподоблении сценариев: укр. *зоряний (час)*, *хмарочос*; рус. *афишировать* – “выставлять что-либо напоказ, привлекать внимание к чему-либо”; рус. *жирянка* – “род многолетних насекомоядных растений, его листья покрыты железками, выделяющими слизистое вещество, к которому прилипают насекомые и пищевые ферменты”; англ. номен млекопитающего *pilot whale* обусловлен интеграцией поведения животного и лодки (“The name *pilot* derives from its habit of swimming line

astern with one individual in the lead”) [Рибалка 2010: 154]. Номенклатурное имя насекомого *geometer* создано на основе уподобления способа его движения профессиональной деятельности человека: “The name *Geometer* refers to the means of locomotion of the larvae or caterpillars, which lack most of the prolegs of other *Lepidopteran* caterpillars. Equipped with appendages at both ends of the body, a caterpillar will clasp with its front legs and draw up the hind end, then clasp with the hind end (prolegs) and reach out for a new front attachment – creating the impression that it is measuring its journey” [Коновалова 2009: 135].

Гештальтная разновидность использует мотиваторы – знаки других концептов – исходя из подобия зрительных, слуховых, одоративных, тактильных, вкусовых гештальтов: рус. *козлобородник* – “растение имеет плод с перистым хохолком, подобным бороде козла”; *змееголовник* – “растение с цветами, похожими на голову змеи”; *канюк* – “птица, пением напоминающая плач”; *пересмешиник* – “птица, копирующая разные звуки, в том числе смех”; укр. фраземы *пекти руку* – “викликати докори сумління, почуття сорому, переживання”; *слухати джмелів* – “гудіти, шуміти в голові (перев. від удару)”. Французский гастроним *brick de riz au lait* содержит ономаσιологический признак *brick*, обеспечивая тем самым гештальтное подобие блюда зрительному образу парусного судна [Браницька 2008: 34].

Сенсорная разновидность базируется на синестезии – психологическом процессе возникновения одного ощущения под влиянием неспецифического для него раздражителя другого. В языке синестезия проявляется в использовании знаков одних ощущений для именованя иных, к примеру, слуховых для зрительных (укр. *гучні кольори*, рус. *кричащая одежда*), соматических для зрительных (рус. *теплые цвета, тяжелый блеск, холодные тона*), зрительных для одоративных (укр. *яскравий запах, різнобарвний аромат*), вкусовых для слуховых (укр. *солодкий спів, гірко це чути*). На примерах синестетических метафорических переносов А. Барселона демонстрирует первичные процессы метонимии, которые послужили базой таких метафор. Исследователь считает, что перенос знака звука на цвет вызван в первую очередь чувственным стимулированием звуковыми ощущениями человека зрительных, что может рассматриваться как ментальный доступ одних ощущений к другим в пределах одной концептосферы, а значит, квалифицироваться как первичная метонимия [Barselona 2000: 36-44].

Архетипическая разновидность задействует корреляцию метафорических мотиваторов с архетипами – первичными врожденными элементами родовой памяти, исторического прошлого этноса, человечества, их коллективного бессознательного. Механизм такой метафоризации опосредован сложным ассоциированием, к примеру, в укр. фраземе *спіңці сватають* значение “хто-небудь хоче спати або починає дрімати” базируется на ассоциативной аналогии *слепой – не видеть – дремать*, а также на связи с архетипами *свой / чужой: сватать – желать взять в семью – ввести в круг своих – уподобить себе*. Архетипическую природу метафоризации представляют наименования

кругового движения во фразеологизмах со значениями иррациональности мышления, поведения человека, потери сознания, слабости, боли, даже безумия, обусловленных проекцией круга на действия нечистой силы: укр. *обкрутити (обмотати, обернути) круг пальця* – “1. Спритно обдурити, перехитрити кого-небудь”; *крутити голову* – “2. Поводити себе нечесно по відношенню до кого-небудь; дурити, обдурювати”; *крутити веремію; крутити харамана*.

Третий тип мотивации – **модусный** – характеризуется выбором мотиватора исходя лишь из его оценочного компонента, иные семантические признаки данного ономаσιологического признака неактуальны для формирования семантики мотивированного наименования. Модусная мотивация базируется на различных познавательных функциях сознания: сенсорных механизмах, эмоциональном восприятии, мыслительной рациональной обработке – и использует оценочные стереотипы, культурную символику, а также аксиологически заряженные архетипы коллективного бессознательного. Модусный компонент, коррелируя с мыслительной сферой, представляет рациональную оценку, а его связь с психическими функциями ощущений и чувств формирует сенсорный и эмоциональный (аффективный, эмотивный) типы оценки [Арутюнова 1988: 84-86].

Исследователи словообразовательной мотивации практически игнорировали роль оценки в процессах номинации. Между тем оценочные компоненты чрезвычайно активны в деривационных актах. В частности, использование оценочности сенсорных обозначений обусловлено, по мнению Н.Д. Арутюновой, бедностью и недискретностью сенсорной семантики (за исключением воспринятых зрением объектов), ее отделенностью от концептуальных систем и значимостью для человека оценочной характеристики ощущений и впечатлений [Арутюнова 1988: 85]. Оценка может коррелировать с пропозициональной информацией. К примеру, укр. диалектное название птицы *воняк* (удод) обусловлено резко неприятным запахом мяса удода и его неряшливого гнезда; укр. орнитоним *поганка* является синонимом многих номенклатурных названий птиц – *черні білоокої, норця сірощого, норця червоношиюго*, имеющих неприятный привкус мяса. Непосредственно прямыми значениями передается оценка в украинских наименованиях растений *вонега, вонечник* (шавлія залозиста), *вонючка* (хрінниця смердюча), *пахало, паханка* (любисток лікарський), *пахучка* (маренка запашна), *смердючка* (валеріана лікарська), *смородина, смород, смородюх* (смородина чорна) [Калько 2003]. Интеграция модуса с ассоциативно-терминальной частью МПК, основанная на оценке ощущений характерна для метафорических значений украинских глаголов *квасити* – “робити кого-небудь в’ялим, кислим, незадоволенням”; *перчити* – “лаяти кого-небудь”, *насолити; насолоджуватися* и т. п.

Рациональная оценка, базирующаяся на стереотипах этносознания, положена в основу оценочных наименований человека – результатов вторичной номинации: укр. *рибка, пташка, лебідка, ластівка, сокіл* и под. (положительная

оценка); *свиня, собака, гадюка, акула, курка, стерв'ятник, шуліка, крук* (негативная оценка). Мотиватор модусного типа может фиксировать этнический гетеростереотип – оценку представителей определенного этноса чужими. Так, слово *скотч* вовсе не отражает приоритет его изобретения шотландцами, в основу данного названия положен гетеростереотип шотландской скупости, так как первый скотч, изобретенный американцем, был лентой, проклеенной только по краям, что создавало значительные неудобства при его использовании. Перенос негативной оценки реалии на негативно воспринимаемую американцами скупость шотландцев послужил мотивирующей базой наименования.

Модусно мотивированными являются лексемы и фраземы, ономазиологическими признаками которых служат знаки векторов пространственной ориентации, базирующиеся на ориентационной метафоре и архетипах коллективного бессознательного [Lakoff, Johnson 1980: 5]: рус. *унижение, левые деньги, правое дело, высокие мысли, на заднем плане, передовые идеи* и т. п. Оценочная оппозиция архетипа *свой / чужой* опосредует мотивацию украинских фразеологизмов: *як риба з водою* – “1. Дружно, мирно, у злагоді”; *як полоник між ложками* – “не в своє середовище, між чужих”; *сидіти на чужому возі* – “бути позбавленим чого-небудь свого або бути залежним від когось”; *ні сват, ні брат* – “зовсім чужа людина”; *не нашого пір'я пташка*; *птаха не нашого польоту* – “людина з іншого кола, іншої суспільної ваги” [Селіванова 2004: 214-231].

Сочетание в ономазиологической структуре мотиваторов различного статуса в структуре знаний об обозначаемом представляет **смешанный** тип мотивации: рус. *волнорез* – “гидротехническое сооружение для ограждения рейда, гавани, подхода к морскому каналу от действия волн”; рус. *вишневый слоник* – “жук, вредитель вишни, черешни, сливы, абрикоса, алычи”; англ. номен *melon-headed whale* – “Its head shaped like a rounded cone giving the animal its common name”; укр. орнитонимы *серпокрилець білочеревий* – “у природі визначаються за короткими ніжками і довгими вузенькими крилами, схожими на серп у польоті”; *шилодзьобка* – “чималі кулики з довгими ногами, тонким, трохи загнутим догори дзьобом”. Данные примеры иллюстрируют интеграцию мотиваторов пропозиционального и ассоциативно-терминального статуса.

Концептуально-интеграционный тип мотивации опосредует создание нового наименования путем суммарной композиции, то есть сочетания названий двух предметов или понятий, причем в структуре знаний об обозначаемом смешиваются их некоторые признаки, формируя новый концепт: укр. *тернослив* – “гібрид сливи й терну”; *азбестоцемент* – “будівельний матеріал, що виготовляється з водної суміші азбесту й цементу”; рус. *вагон-ресторан, овцебык, индоутка* и т. п.

Мотивация противопоставлена **псевдомотивации**, характеризующейся произвольной связью между значением ономазиологических признаков и содержанием номинативной единицы. Ф. де Соссюр говорил о том, что не

существует языков, где нет ничего мотивированного; но невозможно себе представить и такой язык, где мотивированным было бы все, между двумя этими границами существуют всяческие разновидности. Псевдомотиваты не отождествляются с немотивированными знаками, поскольку имеют условный, формальный мотиватор и парадоксальную внутреннюю форму. Причиной псевдомотивации является выход из употребления исходного, первичного мотиватора. Псевдомотивация может возникать на фоне аффективности номинации: номинаторы избирают для именованной любой знак с целью придания речи особой экспрессивности, стилистической окрашенности: рус. *перебукетить* – “испортить”, *засандачить*, *огорошить*; укр. *спосудитися* – “діал. пощастити, поталанити”; *тарганити* – “діал. тягнути, волокити”; *ковбасити* – “2) довго, погано виконувати якусь роботу”; *напосудитися* – “1) підготуватись іти або їхати кудись; 2) насупитись”; *потуманити* – “1) швидко піти”; *підсокиритися* – “піддобритися, здобути довіру”.

6. Второй параметр классификации мотивационных отношений.

По параметру рациональности / иррациональности нами выделены рациональная и мифологемная мотивация [Селиванова 2010: 46-54]. Мифологемная мотивация характеризуется апелляцией номинаторов к иррациональной информации, к фиктивным, но устоявшимся в сознании идеям, которые безоговорочно принимаются на веру этнокультурной общностью и не требуют доказательств или опровержения, в которые верят и должны верить все члены определенного сообщества [Водак 1997: 23]. Мифологемная информация формирует в этносознании не менее значимый, чем рациональный, иррациональный возможный мир, определяющий нормы и ценности, культурные предпочтения этнического сообщества, обеспечивающий его самосохранение и развитие, этническую идентичность. Такой возможный мир сформирован мифологическим сознанием народа преимущественно на базе наглядно-чувственного восприятия действительности. Миф является некритически воспринятым смыслом, более сильным для этноса и отдельного человека, чем рациональное, ибо он основывается на самой мощной силе, способной противостоять любым фактам, – вере [Шейгал 2004: 135-136].

Существование иррационального мифа на фоне рационального мышления можно объяснить психологическим феноменом двоемыслия, при котором человек способен не только придерживаться двух мыслей, которые взаимно исключают друг друга, но и верить обеим. Этот процесс является одновременно сознательным и бессознательным, ведь человек должен избавиться от ощущения вины за сознательную неправду, а факты использовать или как подтверждение одной из мыслей, или в случае неудобства для себя фактов автоматически забыть о них. Так же происходит и использование мифов: они извлекаются из сознания, когда человек неосознанно отбрасывает все факты, противоречащие мифу. Обращение к мифам осуществляется в критические моменты жизни человека, периоды нестабильности, опасности, социальной

незащищенности и неуверенности, когда человек отбрасывает рациональное, чтобы оправдать собственную несостоятельность, противодействовать жизненным обстоятельствам, объяснить себе или другим собственные нерациональные действия, успокоить свою совесть и т. п.

Человек обращается к мифам и в повседневной жизни по традиции пращуров в надежде на вознаграждение благосостоянием, семейным счастьем, хорошим урожаем, успехом в делах. Такие мифологические представления, отображая вековой опыт народа, представляют собой результат гипертрофированного, основанного на фантазии и суевериях восприятия народным сознанием этого опыта. Так, поверьем обусловлено использование мотиваторов в украинском диалектном наименовании птицы *козодій*: ночью эта птица вроде бы высасывает молоко коз. С народными приметами мифологической природы связаны и диалектные орнитонимы: укр. *послотюх* (номенклатурное название – *сивка золотиста*) производное от *слота* – “сльота, дощова погода”; название базируется, очевидно, на представлении о том, что птица криком предвещает дождливую погоду; *вільга*, *цвіль*, *вольга* в одной из версий происходят от прилагательного *wilgi* – “влажный” (считается, что птица предвещает дождь, ср.: нем. *Regenpfeifer* – букв. “дождевой свистун”).

Мифологемная мотивация может соотноситься со всеми типами мотивации, выделенными по параметру статуса мотиватора в структуре знаний об обозначаемом. Миф пропозициональной природы является непротиворечивым, хотя и констатирует неверифицируемую информацию об обозначаемом. Например, название растения *чертополох* мотивировано пропозицией “трава отпугивает нечистую силу, чертей”. Чертополохом окуривают хлев, чтобы убереечь скот от сглаза, болезней. Первые мотиваторы народных названий растений *сон-трава*, *разрыв-трава* также пропозиционально мотивированы: сон-траву нужно класть под подушку, так как что приснится, то и сбудется, а разрыв-трава разрывает любой металл, замки подземелий, охраняемые нечистой силой.

Ассоциативно-метафорическую природу имеют мифологемно мотивированный энтоним *pharaoh's ant*, основывающийся на сравнении агрессивного поведения насекомого и всемогущества египетских фараонов: “The name possibly arises from the mistaken tradition that it was one of the plagues of ancient Egypt”; а также мотиватор *fairy* номена млекопитающего *pink fairy armadillo* – “an imaginary supernatural being, usually represented in diminutive human form and characterized as clever, playful, and having magical powers”. Корреляция мифологемной мотивации с модусной наблюдается во фраземах с зоонимическим компонентом, в которых та или иная оценка животных является результатом иррациональной стереотипизации. Так, подсознательно негативная оценка собаки отображена в украинских фразеологизмах: *піти на пси* – “пропасти марно, безрезультатно”; *пуститися на пси* – “утратити своє добро, повагу до себе, добре ім'я, зовсім зубожіти, зникчємніти”; *продати очі псові* – “зробитися безсоромним, утратити гідність задля якоїсь вигоди, користі”; *хоч*

на собаку вилий – “дуже несмачний (про рідкі страви і напої)”; *хвіст собачий* – “той, хто нічого не важить у суспільстві” и т. п.

7. Третий параметр классификации мотивационных отношений.

По параметру прецедентности разграничены непрецедентная и прецедентная мотивация. Прецедентная мотивация характеризуется выбором мотиваторов, обозначение и содержание которых хорошо известны представителям определенной этнокультурной общности, весомых и актуальных в когнитивном и коммуникативном плане. Такие компоненты этносознания названы прецедентными феноменами. Прецедентные феномены являются составляющими лингвокультурной компетенции – способности носителей определенной этнической культуры и языка опознавать в языковых единицах и речевых продуктах культурно значимые установки и нормы, ценностные ориентиры, культурные коды и возможности их метафорической переинтерпретации, а также организовывать свое коммуникативное поведение в соответствии с этими культурными знаниями. Лингвокультурная компетенция определяет самоидентификацию человека как представителя определенного этноса и носителя соответствующей культуры, то есть параметры этничности и культурной идентичности как осознания человеком своей принадлежности к определенной культуре путем признания ее ценностей, норм, идей, приоритетов, вкусов, традиций и т. п., отождествление себя с культурными образцами, что позволяет ориентироваться в определенной социокультурной среде, упорядочивать собственную жизнедеятельность, предвидеть ее последствия, избирать тот или другой тип, манеру и форму общения.

Прецедентная мотивация присуща, к примеру, названиям блюд. Так, название пирога *любка* связана с прецедентным мотиватором *Люб*, который в славянской мифологии квалифицировался как дух-охранник молодых, имел вид мохнатого, золотоволосого кота, который должен был отгонять от спальни Нелюба – черного, злого кота. Любки представляют собой круглые оладьи, в центре которых запекается кусок теста в виде гриба, ассоциирующиеся с половыми органами мужчины и женщины. Любки ставят около кровати молодых для угощения кота Люба. В массиве французских гастронимов прецедентные мотиваторы занимают одно из ведущих мест (*omelette Du Barry rissoles Pompadour, crème Marie-Louise, bananes Beauharnais, bombe glacée Montmorency*) [Браницька 2008: 129-138].

Прецедентные феномены чрезвычайно активно используются в процессах онимической номинации, к примеру, в украинском языке при создании ойконимов – названий городов и поселков (*Хмельницький, Івано-Франківськ, Шевченко, Шевченкове, Ватутіне, Корсунь-Шевченківський*), регионимов – названий регионов, районов (*Шевченківський район* города Киева, *Михайло-Коцюбинський район* Черниговской области), годонимов – названий линейных объектов в городах и селах (бульвар *Лесі Українки, Шевченка*, улицы *Байди Вишневецького, С. Бандери, Попудренка, Володимирська*; площадь *Батюка*,

станции метро *Золоті ворота, Либідська, Майдан Незалежності*), прагматонимов – наименований товара (*Тарас Бульба, Івасик-телесик, Лисичка-сестричка, Лісова пісня* – конфеты; *Хрещатик, Першотравневий, Івасик-телесик* – торты; *Тарас, Ярило* – квас, *Гуцулка Ксеня* – вино, *Холодний Яр* – водка); порейонимов – названий транспортных средств (*Богдан* – название автобуса; *Запорожець, Славута* – марки автомобилей; *Шевченко, Іван Франко, Академік Корольов* – названия кораблей), эргонимов – наименований фирм, организаций торговли, банков, разнообразных сервисных учреждений, предприятий (*Тарас Бульба, Січ, Чумак* – рестораны; *У Богдана, Калина, Солоха* – кафе; *Кобзар, Першотравневий* – магазины; *Либідь, Жовтень* – отели; *Берегиня* – фирма, лицей; *Перун* – фитнесцентр), космонимов и астронимов – названий космических пространств и объектов (*Амосов, Кибальчич* – названия звезд), фалеронимов – наименований наград (*ордени Ярослава Мудрого, княгині Ольги, святого Володимира, Шевченківська премія, Симоненківська премія*), гастронимов – названий блюд (*Козацький* – напиток, *Партизанська* – каша, *Чумацька* – юшка, *Перець по-першотравневому* – закуска; *Довбуш* – пирог) и т. п. [Селіванова 2009а: 129-139].

Прецедентные мотиваторы всегда коррелируют с определенными структурами знаний и различными компонентами МПК, поэтому могут иметь пропозициональный, ассоциативно-терминальный или модусный статус. Так, пропозициональную природу имеет прецедентно мотивированное название кафе “*Нестор Махно*” в Гуляйполе Запорожской области, именованное в честь знаменитого земляка (именно там размещался штаб Махно в 1919–1921 г. г.). Ассоциативно-терминальный статус имеет прецедентный мотиватор названия фитнесцентра *Перун*, избранный номинаторами для того, чтобы подчеркнуть силу, могущество, которые приобретают посетители данного учреждения. Название кафе “*Солоха*” мотивировано метафорическим уподоблением в рекламных целях хорошей хозяйки, вкусных и питательных блюд сценарию, связанному с персонажем повести Н.В. Гоголя (Солоха была хорошей и гостеприимной хозяйкой).

В процессе онимической номинации прецедентные мотиваторы нередко задействуют модусный компонент оценки, что способствует росту потребительского интереса, формированию доверия к учреждению или товару, эстетической маркировке обозначенного и т. п. Так, название ресторана “*Калина*” отображает один из главных символов Украины, связанный с позитивной оценкой, эстетическим стереотипом прекрасного. Положительная оценка сказочных персонажей, богов, народных героев, персонажей художественных произведений повышает знаковый потенциал данных прецедентных феноменов, востребованных в процессах вторичной номинации.

8. Перспективы исследования.

Новая трактовка и типология мотивации позволяет углубить представления о связи номинации и когниции, о специфике организации знаний

в концептуальной системе, об особенностях этнического сознания, соотношении наивной, мифологической и научной картин мира, лингвокультурной компетенции представителей того или иного народа. Разработанная нами концепция когнитивно-ономасиологического анализа имеет значительные перспективы ее применения к исследованию номинативных и когнитивных структур и механизмов на материале различных классов языковых знаков. Модель МПК может быть использована как базовая при концептуальном анализе, изучении пропозиционально-метафорической природы поэтического синтаксиса, создании новой классификации ассоциаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5-32.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Отв. ред. Г.В. Степанов / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
3. Бахтияров О.Г. Постинформационные технологии: введение в психонетику / О.Г. Бахтияров. – К.: ЭКСПИР, 1997. – 160 с.
4. Блинова О.И. Мотивированность слова и функциональный аспект / О.И. Блинова // Русское слово в языке и речи. – Кемерово, 1976. – С. 16-21.
5. Браницька Я.В. Гастроніми в сучасній французькій мові: когнітивно-ономасіологічний аспект : дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. наук : спец. 10.02.05 “Романські мови” / Яніна Валентинівна Браницька. – Одеса, 2008. – 199 с.
6. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак; пер. с англ. и нем. – Волгоград : Перемена, 1997. – 139 с.
7. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н.Д. Голев. – Томск : Изд-во Алтайского ГУ, 1989. – 250 с.
8. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.
9. Казимир І.І. Концепт ПТАХ у мовній картині світу українського народу : автореф. дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / Іванна Іванівна Казимир; Харківський нац. ун-т. – Харків, 2007. – 19 с.
10. Калько В.В. Когнітивно-ономасіологічний аналіз назв лікарських рослин в українській мові : автореф. дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. наук : 10.02.01 “Українська мова” / Валентина Володимирівна Калько. – Одеса, 2003. – 20 с.
11. Кияк Т.Р. Мотивированность лексических единиц / Т.Р. Кияк. – Львов : Вища школа, 1988. – 161 с.
12. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 342 с.

13. Коновалова О.В. Мотивація англійських ентимонімів у когнітивно-ономасіологічному висвітленні : дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Ольга Володимирівна Коновалова. – Черкаси, 2009. – 194 с.
14. Кочерга Г.В. Мотивація відіменникових дієслів у сучасній українській мові (когнітивно-ономасіологічний аспект) : автореф. дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. н. : спец. 10.02.01 “Українська мова” / Галина Василівна Кочерга. – Одеса, 2003. – 20 с.
15. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 200 с.
16. Кубрякова Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
17. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова и др. – М. : Наука, 1996. – 245 с.
18. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект / Под ред. В.В. Петрова / Дж. Лакофф; пер с англ. В.И. Герасимова и В.П. Нерознака. – М. : Прогресс, 1996. – С. 143–184.
19. Литвин І.М. Мотивація російських відсубстантивних прислівників у когнітивно-ономасіологічному аспекті : автореф. дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. н. : спец. 10.02.02 “Російська мова” / Ірина Миколаївна Литвин. – Київ, 2002. – 20 с.
20. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1997. – 760 с.
21. Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – Вып. 23. – М. : Прогресс, 1988. – 420 с.
22. Рибалка Н.С. Мотивація номенклатурних назв ссавців у сучасній англійській мові : дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Наталія Сергіївна Рибалка. – Черкаси, 2010. – 187 с.
23. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
24. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология / Е.А. Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.
25. Селиванова Е.А. Миф и процессы номинации / Е.А. Селиванова // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отд. РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь, Краснодар: АПСН: Кубанское рег. отд., 2010. – Вып. 8. – С. 46-54.
26. Селіванова О.О. Концептуалізація *свого* й *чужого* в українських пареміях / О.О. Селіванова // Наукові записки Луганського нац. пед. ун-ту. – Луганськ: Альма-матер, 2004. – Вип. 5. – С. 214-231.
27. Селіванова О.О. Лінгвістична енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.

28. Селіванова О.О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) / О.О. Селіванова. – Київ-Черкаси: Брама, 2004. – 276 с.
29. Селіванова О.О. Прецедентна мотивація номінативних одиниць (на матеріалі української мови) / О.О. Селіванова // Філологічні студії: Збірник наукових праць / За заг. ред. проф. Л.А. Лисиченко. – Харків, 2009а. – С. 129-139.
30. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2008. – 712 с.
31. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1996. – 286 с.
32. Торопцев И.С. Предмет, задачи, материал и методы ономазиологии / И.С. Торопцев // Проблемы ономазиологии / Научные труды Курского ГПИ. – Орел, 1974. – Т. 21. – Вып. 114 / 1. – С. 3-76.
33. Улуханов И.С. Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронного описания языка) / И.С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 5-19.
34. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
35. Юнг К.Г. Психологические типы / К.Г. Юнг. – М. : Университетская книга, 1996. – 343 с.
36. Ярмоленко Г.А. Віддієслівні іменники української мови в когнітивно-ономазіологічному аспекті: автореф. дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. н. : спец. 10.02.01 “Українська мова” / Галина Анатоліївна Ярмоленко. – Одеса, 2008. – 20 с.
37. Barselona A. On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual Metaphor / A. Barselona // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective. – Berlin, N.Y., 2000. – P. 36-44.
38. Chafe W.I. Repeated Verbalization as Evidence for the Organization of Knowledge / W.I. Chafe // Preprints of the Plenary session Papers XIY International Congress of Linguists. – Berlin, 1987. – P. 109.
39. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By / G. Lakoff G., M. Johnson. – Chicago : CUP, 1980. – 242 p.

Елена Александровна Селиванова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: oselivanova@ukr.net